

«По этим вопросам между адвокатами довольно часто возникало взаимное непонимание, которое не могло не сказаться на качестве защиты», — отмечает госпожа Пономарева. В стандарте предусмотрен алгоритм работы адвоката по уголовному делу, что может быть полезно молодым адвокатам», — отмечает член Комиссии по защите профессиональных прав адвокатов и работе с уполномоченным по правам человека Адвокатской палаты Петербурга Александр Чангли.

По мнению Николая Казанцева, появление документа «свидетельствует об определенной степени мобилизации усилий адвокатского сообщества на обеспечение хотя бы минимального допустимого уровня оказания правовой помощи». Кроме этого, полагает он, принятие стандартов говорит «о стремлении адвокатской корпорации к «самоочищению» от недобросовестных адвокатов, что «особенно важно на фоне обсуждения Концепции Минюста об адвокатской монополии». В других странах такие стандарты разработаны и действуют уже давно, говорит управляющий партнер «Юридической конторы Гессена» Андрей Тындык, отмечая, что адвокатура в России только начинает реально систематизировать и вводить в действие письменные требования к деятельности адвокатов. А стандартов, применительно к другим областям адвокатской деятельности, в частности, в гражданском, арбитражном и других процессах, в РФ нет.

УПК ПРОТИВ ПРАВОВОГО ЦИНИЗМА

Однако ни появление корпоративного регламентирующего документа, ни изменения, которые могут быть введены Минюстом в рамках иницизированной в 2015 году Концепции «адвокатской монополии», не решают проблемы распространенных нарушений прав защитников и, следовательно, их клиентов — недопуск защитников в сизо, обысков в офисах адвокатов, привлечение следователями «карманных» адвокатов, отвод негодных адвокатов следователями и судьями.

«Пока права человека в нашей стране не станут действительной ценностью, а судьи не прекратят иронично улыбаться, услышав про „презумпцию невиновности“, ждать, что изменится отношение к адвокатам, не стоит», — поясняет господин Чангли. Опрошенные ВГ адвокаты сходятся во мнении, что гарантии соблюдения профессиональных прав защитников в России не существует. «Законом нельзя устранить возможность нарушений — иначе бы общество давно устранило преступность. Поэтому нарушали, нарушают и будут нарушать», — убежден господин Кузьминых. Исключить нарушения прав защитников со стороны правоохранительных органов невозможно, согласен господин Казанцев. «Но их можно минимизировать путем уточнения и расширения прав и полномочий защитника в уголовном судопроизводстве с одной стороны и ограничения пределов дискреции правоприменителей с другой», — уточняет он.

К таким позитивным изменениям адвокаты относят вступившие в силу президентские поправки в УПК, направленные на защиту профессиональных прав защитников. Поправки были внесены в Госдуму Владимиром Путиным после ряда встреч с президентским Советом по правам человека (СПЧ), члены которого жаловались на многочисленные нарушения прав адвокатов и их подзащитных.

Теперь защитник может реализовывать свои полномочия при предъявлении субъекту производства по уголовному делу удостоверения и ордера адвоката, а не дожидаясь принятия решения по этому вопросу следователем или судьей. Запрещен отказ защитнику в привлечении специалиста и в участии в следственных действиях, которые проводятся по ходатайству стороны защиты (раньше это оставлялось на усмотрение следователя). Уточнен круг сведений, которые адвокат не вправе разглашать, и конкретно указано, что к таким сведениям не относится. Введена статья об особенностях обыска, выемки и осмотра в отношении адвоката — присутствие представителя адвокатской палаты при таких мероприятиях теперь будет закреплено в УПК. Адвокатов по назначению следователи смогут привлекать только в порядке, определенном Советами адвокатских палат субъектов РФ (наиболее эффективным считается введение электронной очереди, почти исключающей приглашение «карманного» адвоката).

Хотя вступать в дело адвокатам по назначению при наличии адвоката по соглашению ФПА запретила еще в 2013 году, однако в прошлом году 70 адвокатов публично заявили о необходимости урегулировать проблему «двойной защиты», ссылаясь, в частности, на случай с фигурантом «болотного дела» Дмитрием Бученковым. Ряд скандалов вызвали действия адвокатов по назначению вопреки интересам подзащитных: в такой ситуации, в частности, оказалась обвинявшаяся в госсизмене Светлана Давыдова (назначенный ей защитник уже лишен адвокатского статуса). В целом поправки в УПК «позволяют сдержанно надеяться на существенное повышение уровня соблюдения прав адвокатов в уголовном судопроизводстве, что должно положительно сказаться на статусе адвокатуры в России и обеспечить надлежащую защиту прав и законных интересов доверителей», — резюмирует господин Казанцев.

Вместе с тем адвокаты говорят о системности нарушений своих прав, с которыми они сталкиваются. Например, вопреки постановлению Конституционного суда 2015 года, которое легло в основу поправок УПК о правилах обысков адвокатов, в Петербурге с санкции Басманного райсуда Москвы у адвоката Марины Мошко (защитника по громкому делу об организованном преступном сообществе, по версии следствия ввезившего в РФ дорогостоящую электронику под видом дешевых строительных материалов) прошли обыски с фотофиксацией досье клиента, проходившего свидетелем по делу.

«Органам предварительного расследования в настоящее время, как мне кажется, дана „индальгенция“ на безнаказанное целенаправленное совершение грубейших нарушений уголовно-процессуального законодательства и фальсификацию доказательств по уголовным делам», — поясняет Натэлла Пономарева.

Евгений Тонков отмечает «свежий тренд, демонстрирующий правовой цинизм»: следователи и судьи датой обязательного уведомления адвоката (нарушение сроков которого имеет важные последствия, вплоть до освобождения из-под стражи) признают день, предоставленный следователем в своем экземпляре документа, а не день его получения адвокатом (с учетом даты сдачи на почту

и его доставки, что может составить не одну неделю).

УЧЕТ И КОНТРОЛЬ Претензии к самим адвокатам, в том числе со стороны следственных органов, иллюстрирует статистика представлений Главного управления Минюста по Санкт-Петербургу о возбуждении дисциплинарного производства и лишении статуса адвоката. В 2015 и 2016 годах Адвокатская палата Санкт-Петербурга прекратила статус пяти адвокатов в связи с обвинительными приговорами, двух — за нарушение запрета на осуществление иной оплачиваемой деятельности и одного — за недостоверные сведения о наличии высшего образования. Но в удовлетворении всех пяти переадресованных Минюстом жалоб на адвокатов со стороны ГСУ МВД и СКР, в том числе от главы ГСУ по Санкт-Петербургу Александра Клауса, палата отказала. Следователи жаловались на неявку на ознакомление с материалами дела, а также на «действия адвоката не в интересах заявителя», «составление ложного заявления от имени доверителя», нарушение Кодекса адвокатской этики, в том числе «ненадлежащее исполнение адвокатом своих обязанностей». Также были отклонены претензии двух граждан к их адвокатам и два представления о нарушениях закона об адвокатуре и этического кодекса, инициированные самим Минюстом.

В городской прокуратуре Петербурга ВГ пояснили, что отдельной статистики по жалобам адвокатов не ведется, но прокомментировали ситуацию на примере контроля за работой аппарата ГСУ СКР по Петербургу. По словам начальника управления прокуратуры по надзору за процессуальной деятельностью в органах СКР Алексея Мещерского, ежегодно его подразделение рассматривает около 100 жалоб адвокатов, их доля в общем числе обращений составляет около 1,5%. При этом в 2016 году было признано обоснованным лишь одно обращение — о признании недопустимым доказательством протокола опознания. Повод для адвокатских жалоб, как считает господин Мещерский, зависит от тактики защиты: в одних случаях обжалуются все действия следователя, в других — только те решения, которые, по мнению защиты, приняты следствием не в пользу клиента.

Одним из недавних примеров, по данным ВГ, было обращение в Генпрокуратуру Иосифа Габунии, адвоката экс-главы службы безопасности Государственного Русского музея (ГРМ) Ирины Кузнецовой, обвиняемой в хищении средств при госзакупке. Адвокат просил привлечь к ответственности следователя, под давлением которого она сменила защитника и оговорила себя, от чего впоследствии отказалась. Генпрокуратура направила обращение адвоката в горпрокуратуру Петербурга, которая пока не сообщила о результатах рассмотрения заявления. Кроме этого, прокуратурой вынесено замечание руководству сизо-5 за нарушение порядка общения следователя с главой службы безопасности ГРМ. В петербургскую прокуратуру обращения по поводу «карманных адвокатов» не поступают, но при наличии жалоб прокуроры готовы разбираться в этой проблеме, заявили в ведомстве. Не поступало в прокуратуру Петербурга и жалоб на самих адвокатов от поднадзорного ГСУ СКР. Однако уголовные дела, в которых фигу-

рантами являются адвокаты, пытающиеся получить деньги с клиента на подкуп следователя или судьи и обещающие в этом случае своему клиенту нужное решение, «не являются единичными случаями», подчеркивает прокурор. Подтверждает он и проблему «выбивания» адвоката-защитника из уголовного дела путем его допроса. В этом случае, по мнению Александра Мещерского, защитить адвоката может введение в уголовно-процессуальное законодательство такого понятия, как «свидетельский иммунитет».

«СИЛОВИКИ БОЯТСЯ ТОЛЬКО ПРЕЗИДЕНТА»

Андрей Тындык считает, что проблему можно разрешить путем четкой регламентации в законе гарантий неприкосновенности адвоката, его деятельности и тайны с одновременным преодолением порочной правоприменительной практики в отношении адвокатов со стороны правоохранительных органов и судов. «Отсутствие хотя бы одной из этих составляющих ситуацию не поменяет. Конституционный, Верховный суды РФ и Генпрокуратура РФ должны высказать однозначную и твердую позицию в вопросе адвокатской неприкосновенности. От первых требуются четкие разъяснения по этому поводу в своих актах, от Генпрокуратуры — особый контроль и реагирование в каждом случае нарушения прав адвокатов», — заключает господин Тындык.

С претензиями к судебной системе соглашается и господин Чангли: «Суды не стоят „над процессом“, а являются органом, утверждающим или, как говорят, „засиливающим“ почти любое решение стороны обвинения, занимая в процессе рассмотрения дел, почти всегда, обвинительный уклон». По его оценке, о такой тенденции свидетельствует процент оправдательных приговоров: около 20% в 1937 году и несколько десятых процента сейчас. «Дело дошло уже до того, что получение адвокатом оправдательного приговора является основанием для его награждения профессиональным обществом. Изменить существующее положение возможно, на мой взгляд, через изменение кадрового состава судебского корпуса и уже весьма назревшую судебную реформу», — добавляет адвокат Чангли.

Евгений Тонков считает, что корпус судей по уголовным делам сейчас формируется «за счет бывших сотрудников правоохранительных органов и несамостоятельных, авторитарных судебных клерков». «Появление и развитие у судей страха перед силовиками, могущими создать для судей проблемы, судебское неодобрение действий следователя может гротескно рассматриваться как коррупционное проявление. Судьи предпочитают в случае явных недостатков в доказательствах вместо оправдательного приговора вынести максимально „легкий“ обвинительный приговор», — говорит господин Тонков. При этом, если «в МВД и ФСБ осуществляется внутриведомственный контроль, не выносящий сор из избы, следователи СКР вообще никому не подчиняются», — отмечает он. — Прокуратура в силу многих причин утратила эффективные способности надзорного органа и уже не обретет их вновь. Единственный институт, которого силовики боятся и слушаются, — это президент страны, но его воздействие фрагментарно, непублично и очень избирательно». ■